

Елена Назарбаева, Алина Пишняк, Наталья Халина

ИНДЕКС ПРОАКТИВНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Традиционно социальная политика ориентирована на поддержку уязвимых групп, тогда как те, кто занимает деятельную позицию, претендует на самостоятельность и готов брать ответственность на себя, остаются в тени исследовательского интереса. Между тем именно такие акторы могут выступать ресурсом для преодоления кризисов и драйвером социального развития. Но кто эти группы, как их можно выявить в масовых опросах и какой запрос они формируют к государству? В статье предлагается новый подход к изучению инициативных слоев населения через операционализацию концепта проактивности. Теоретическая рамка объединяет разные традиции анализа — от психологии и менеджмента до социологии — и позволяет выделить пять ключевых признаков проактивного поведения: инициативу, действие на опережение, ориентацию на изменения, влияние на среду и фокус на будущее. На основе данных всероссийского мониторинга «Готовность к переменам» (НИУ ВШЭ, 2022; N=6310) авторы конструируют индекс проактивности, фиксирующий не дихотомию «есть/нет», а разные степени выраженности этого феномена. Полученные результаты демонстрируют значимые различия между социально-демографическими группами и выявляют неожиданные закономерности. Так, проактивность не всегда связана с отказом от государственной поддержки: напротив, инициативные

Елена Алексеевна Назарбаева — н.с., Центр анализа доходов и уровня жизни, Институт социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. Электронная почта: enazarbaeva@hse.ru

Алина Игоревна Пишняк — к.социол.н., заведующая Центром анализа доходов и уровня жизни, Институт социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. Электронная почта: apishniak@hse.ru

Наталья Вячеславовна Халина — н.с., Центр анализа доходов и уровня жизни, Институт социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. Электронная почта: nkhalina@hse.ru

группы формируют особый запрос, выходящий за пределы стандартных мер. Их интерес сфокусирован на сферах, где они могут реализовать деятельный потенциал,— образовании, развитии человеческого капитала, балансе семьи и работы. В то же время ориентация на универсальные формы поддержки чаще свойственна менее инициативным категориям. Предложенный индекс позволяет по-новому взглянуть на население России: не только через призму уязвимости, но и через ресурсность, активность и готовность к изменениям. Такой подход расширяет повестку социальной политики, ставя вопрос о том, как сбалансировать поддержку тех, кто нуждается в защите, и тех, кто способен стать драйвером общественного развития.

Ключевые слова: проактивность, социальная политика, человеческий капитал, государственная поддержка, индекс проактивности

Цитирование: Назарбаева Е. А., Пишняк А. И., Халина Н. В. (2025) Индекс проактивности как инструмент анализа социальной политики. *Журнал исследований социальной политики*, 23 (3): 465–478.

DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-3-465-478

Общественные и экономические трансформации последних лет радикально изменили условия социальной жизни и поставили новые задачи перед исследователями социальной политики. Цифровизация и кризисные события, такие как пандемия COVID-19, выявили значимость способности населения быстро осваивать новые практики и технологии. Это смешает фокус социальной политики: важно учитывать не только уязвимые группы, но и тех, кто проявляет инициативу и демонстрирует готовность к адаптации и ориентации на будущее. Анализ именно проактивных групп позволяет понять, какие социальные ресурсы обеспечивают стабильность, а также где возникают потенциальные точки напряжения и запросы на государственное вмешательство (Сорокин и др. 2022). В связи с этим в статье поставлены три исследовательских вопроса: (1) каким образом можно выявить проактивные группы населения в рамках массовых опросов, (2) какие социально-демографические группы демонстрируют наибольшую проактивность и (3) как соотносятся их установки на автономность с ожиданиями государственной поддержки. Для ответа на эти вопросы авторы конструируют индекс проактивности и анализируют профиль респондентов с различным уровнем проактивного поведения и их отношение к мерам социальной политики.

Теоретические подходы к изучению проактивности

Социальные исследования традиционно сосредоточены на выявлении уязвимых групп, нуждающихся в поддержке. Российские исследования фиксируют устойчивый запрос населения на помочь в сфере занятости (особенно среди молодежи), на меры социальной поддержки и социальное инвестирование

(Аникин и др. 2019). Пандемия COVID-19 усилила этот акцент, сфокусировав внимание на формах адресной помощи, изменениях материального положения семей и трансформации системы социальной защиты (Овчарова, Синявская 2022; Овчарова и др. 2022). Однако при этом остается в тени другой аспект — готовность граждан самостоятельно преодолевать кризисные ситуации и различия между социальными группами в склонности к подобным стратегиям. Для обозначения этой готовности действовать на опережение и брать ответственность за изменения в своей жизни в данной статье используется концепт проактивности (проактивного поведения).

В зарубежной литературе проактивность трактуется неоднозначно и охватывает разные уровни анализа. Одни авторы определяют ее как поведение, напрямую влияющее на внешнюю среду (Bateman, Crant 1993). Другие подчеркивают способность действовать заранее и стремление изменить ситуацию, а не только приспособливаться к ней (Kreiser et al. 2010). Распространенной стала интерпретация проактивности как совокупности трех атрибутов — инициативы, ориентации на изменения и фокуса на будущее (Grant, Ashford 2008). Схожую позицию занимают Kiss и коллеги (2022), выделяя предвосхищение и сосредоточенность на эффекте действий как ее ключевые компоненты. В менеджменте и организационных исследованиях внимание смещается к командному и корпоративному уровням, где проактивность рассматривается как стратегическая ориентация фирмы и фактор инновационного развития (Сорокин и др. 2022).

Отечественные исследования также демонстрируют разнообразие подходов. В психологии проактивность трактуется как личностная характеристика, связанная с готовностью к изменениям и инициативным поведением (Ерзин, Еланчинцева 2013). О. А. Абрамова и А. Н. Татарко (2019) подчеркивают двойственность феномена: на индивидуальном уровне он означает готовность бросать вызов устоявшемуся положению вещей, а в организационном контексте — инициируемое поведение, направленное на позитивные изменения. Психологический подход Е. С. Горбуновой и А. Л. Компаниец (2021) дополняет картину, фиксируя две формы проявления: инициативу, связанную с ориентацией на будущее, и регуляцию собственного состояния как способ совладания со сложными ситуациями. В социологической перспективе И. А. Мироненко и П. С. Сорокин (2022) противопоставляют проактивность реактивному поведению, при котором субъект лишь приспосабливается к внешним стимулам. Попытка оценить распространенность проактивных и реактивных практик предпринята в исследовании В. В. Радаева (2023). Полученные результаты показали смешанный характер этих практик, что подтверждает: в реальном поведении граница между проактивным и реактивным размыта, и поэтому для анализа требуется иной инструментальный подход.

Таким образом, и зарубежные, и отечественные исследования фиксируют широкий спектр трактовок проактивности — от индивидуальной

черты личности до стратегической ориентации организаций. Однако именно на уровне населения феномен проактивности остается наименее изученным, особенно в контексте социальной политики. При этом попытки сопоставить проактивные и реактивные практики показывают их смешанный характер, что делает невозможным жесткое разделение этих типов поведения. В связи с этим важно измерять не дихотомию, а степень выраженности проактивности. Несмотря на различия в акцентах, большинство определений сходятся в двух ключевых характеристиках: готовности действовать на опережение и проявлять самостоятельность и фокусе на будущих результатах. Именно эти признаки послужили основанием для операционализации концепта и построения индекса проактивности в данной работе. Значимость индекса для социальной политики состоит в том, что он позволяет сместить фокус от исключительно уязвимых категорий к анализу ресурсных групп, чьи инициативы и стратегии также требуют институционального сопровождения.

Данные и методологический подход

Эмпирической основой анализа стали данные мониторинга «Готовность к переменам», реализуемого НИУ ВШЭ¹ на регулярной основе с 2016 г. Для построения индекса проактивности нами использовалась волна 2022 г. Мониторинг обладает рядом преимуществ: это национально репрезентативная выборка, охватывающая экономически активное население России в возрасте от 15 до 72 лет. Дизайн исследования предполагает квотный отбор по федеральному округу, размеру населенного пункта, полу, возрасту и уровню образования, что обеспечивает соответствие распределению населения России по ключевым социально-демографическим параметрам. Общий объем выборки в 2022 г. составил 6310 респондентов.

Важным является то, что в мониторинге представлены блоки вопросов, позволяющие оценить готовность индивидов к действиям в условиях неопределенности, отношение к будущему, а также установки на самостоятельные стратегии поведения. Эти переменные стали основой для конструирования индекса проактивности. При этом часть вопросов имеет длительную историю применения в мониторинге, что обеспечивает возможность сопоставления во времени и доверие к полученным данным².

В исследованиях проактивности в качестве инструмента измерения традиционно применяются различные шкалы, фиксирующие качества

¹ Подробнее об исследовании см.: URL: https://csils.hse.ru/monitoring_gkp?ysclid=lxntwcpjl3358898980

² Подчеркнем, что в условиях отсутствия специализированных опросов, посвященных оценке проактивности населения, выбор подходящих индикаторов на данных уже проведенного опроса представлял собой отдельную исследовательскую задачу.

личности и установки (см., напр., Сорокин и др. 2022). Используются как апробированные и валидизированные опросники, так и авторские конструкции. Для данной работы выбран индексный метод, поскольку он позволяет оценить не дихотомию «проактивный/непроактивный», а степень выраженности соответствующих характеристик, что важно в условиях, когда реальные стратегии поведения сочетают элементы проактивности и реактивности. Кроме того, индексный подход обеспечивает возможность сопоставления разных социально-демографических групп и выявления факторов дифференциации.

Аналитическая модель, положенная в основу построения индекса (рис. 1), выделяет два взаимодополняющих домена проактивного поведения: готовность действовать заранее и фокус на будущем. Первый домен отражает инициативность и самостоятельность индивида и включает две составляющие: личную инициативу, связанную с убежденностью в возможности влиять на собственную жизнь и предпринимать активные действия, и подстройку под требования ситуации (копинг), понимаемую как активный поиск альтернативных стратегий в кризисных условиях (Crant 2000). Второй домен фиксирует стратегическую ориентацию на будущее и раскрывается через несколько направлений: финансовые стратегии (накопления, пенсионное планирование, инвестиции), образовательные стратегии (готовность к переобучению и развитию человеческого капитала) и социальную ответственность (участие в решении общественных задач, готовность к коллективным инвестициям).

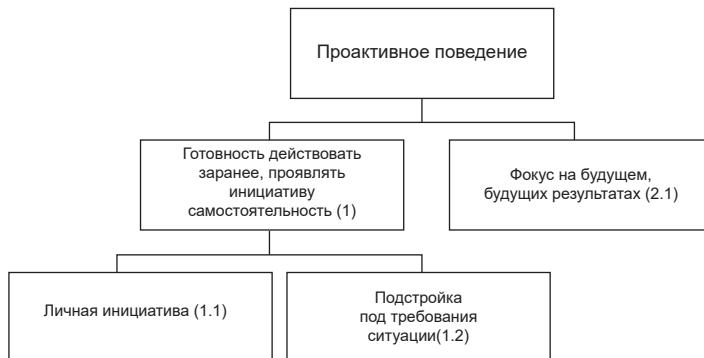

Рис. 1. Аналитическая модель проактивного поведения и его основных компонентов.

Операционализация индекса проактивности

Для построения индекса проактивности использован набор эмпирических показателей, соотнесенных с двумя выделенными доменами модели: готовностью действовать заранее и фокусом на будущем. Каждый из индикаторов

отражает одну из пяти ключевых характеристик проактивного поведения — инициативу, действие на опережение, ориентацию на изменения, влияние на среду и стратегическую направленность на будущее (Grant, Ashford 2008; Crant 2000; Parker et al. 2010; Kiss et al. 2022).

Первый домен — готовность действовать заранее — раскрывается через личную инициативу и способность к подстройке под требования ситуации (копинг). Личная инициатива проявляется в убежденности респондентов в возможности изменить собственную жизнь к лучшему (73 %)¹ и влиять на ее различные аспекты (55 %), а также в ориентации на независимую занятость (29 %), предпринимательскую активность (5 %), готовность предпринимать шаги для увеличения доходов (79 %) и менять место жительства ради повышения качества жизни (46 %). Предпринимательство рассматривается в литературе как важный маркер проактивности (Сорокин 2022; Dai et al. 2014; Kreiser et al. 2010).

Подстройка под ситуацию включает готовность к активным действиям в случае потери работы (47 %) или необходимости поиска крупной суммы денег (43 %). Несмотря на то, что в психологической литературе копинг часто трактуется как реактивная стратегия, ряд авторов указывает на его активный характер, позволяющий рассматривать его как элемент проактивного поведения (Crant 2000).

Второй домен — фокус на будущем — выражен в стратегических ориентациях. К ним относятся активные пенсионные стратегии (48 %), предполагающие расчет на собственные накопления и продолжение трудовой активности; готовность инвестировать незапланированные доходы в бизнес или финансовые инструменты (21 %); а также согласие платить дополнительные налоги ради общественных благ и улучшения качества среды (62 %). Эти установки свидетельствуют о долгосрочном планировании, готовности к отложенным результатам и социальной ответственности.

В среднем по выборке у респондентов наблюдается около пяти из одиннадцати характеристик проактивного поведения, при этом почти половина (45 %) демонстрирует шесть и более признаков. У 79 % выражены одновременно элементы обоих доменов, что подтверждает — инициативность людей, как правило, связана с ориентацией на будущее.

При построении итогового индекса использовалась взвешенная схема. Каждому индикатору присваивался вес, обратно пропорциональный доле респондентов, обладающих соответствующей характеристикой: чем реже встречается признак, тем выше его вклад в индекс. Такой подход позволяет учитывать неодинаковую распространенность различных проявлений проактивного поведения и согласуется с логикой индексных методов в социологических исследованиях (Grant, Ashford 2008; Parker et al. 2010).

¹ Здесь и далее показана доля респондентов, выбравших соответствующий ответ на вопросы анкеты мониторинга.

После суммирования переменных по всем характеристикам с учетом весов результат нормирован на их общую сумму и умножен на 100. В итоге индекс принимает значения от 0 до 100, где «0» соответствует отсутствию признаков проактивного поведения, а «100» — их максимальной выраженности. Среднее значение индекса в 2022 г. составило 38 баллов, что указывает на относительно невысокий уровень проактивности населения в целом.

О надежности индекса свидетельствует его апробация на данных другой волны исследования — опроса 2021 г. (выборка 6149 человек, квотный дизайн аналогичен 2022 г.) Полученное значение индекса (39 баллов) практически совпадает с результатом 2022 г., а структура входящих в него компонентов остается стабильной. Более того, воспроизводятся различия между социально-демографическими группами, что подтверждает устойчивость измерительной модели.

Использование индексного метода позволяет оценивать степень выраженности проактивности, а не делить население на две жесткие категории — «проактивных» и «непроактивных». Это особенно важно, поскольку результаты показывают: у большинства респондентов сочетаются элементы обоих типов поведения, и провести четкую границу между ними методологически невозможно. Таким образом, предложенная операционализация не только позволяет выявить группы населения с различной степенью проактивности, но и дает инструмент для анализа их позиций в отношении мер социальной политики.

Установки проактивных групп в отношении государственной поддержки

Пол и возраст

Результаты исследования показывают, что средние значения индекса значимо выше¹ у мужчин по сравнению с женщинами, что может быть обусловлено их большей вовлеченностью в рынок труда и стратегии заработка. Еще более выраженным является возрастной градиент: в младших возрастных группах индекс достигает 47 баллов, но постепенно снижается почти вдвое — до 24 баллов в старших возрастах (65–72). Наиболее резкое падение наблюдается в предпенсионной группе (55–64), что косвенно указывает на снижение социальной активности и долгосрочных стратегий именно в этот период.

Человеческий капитал и семейные факторы

Высокий уровень образования положительно связан с проактивностью: у респондентов с высшим образованием индекс составляет 40 баллов и выше, тогда как среди остальных — около 37. Еще одним фактором дифференциации

¹ Здесь и далее различия значимы с вероятностью не менее 95 %

выступает наличие детей: у родителей индекс достигает в среднем 44 баллов, тогда как у тех, кто не имеет детей,— лишь 35. Эти различия подтверждают, что образовательные ресурсы и семейная ответственность стимулируют инициативное поведение и готовность к действиям на опережение.

Место проживания

В региональном разрезе наиболее высокий уровень проактивности отличает жителей Дальневосточного федерального округа (44 балла), а наиболее низкий — Северо-Западный федеральный округ (37 баллов). Индекс проактивности выше в городах по сравнению с сельской местностью (37–40 баллов в зависимости от величины населенного пункта до 34 баллов в сельской местности), однако зависимость не является линейной. Наибольшие значения фиксируются в крупных (38 баллов) и средних городах (40 баллов), тогда как в столицах показатель оказывается ниже (37 баллов). Вероятно, это связано со спецификой мегаполисов, где высокие уровни конкуренции и институциональные барьеры ограничивают индивидуальные инициативы.

Запросы на государственную поддержку

В рамках опроса респондентам задавался вопрос¹: в решении каких проблем их семьи требуется государственная помощь. Наибольшие значения индекса проактивности фиксируются у тех, кто указывает на поддержку, способствующую реализации их деятельного потенциала: организацию досуга (47 баллов), уход за детьми дошкольного возраста (45) и получение образования или квалификации (45). Это отражает запрос на развитие человеческого капитала, баланс между работой и семейными обязанностями, а также потребность в отдыхе после трудовой нагрузки. Уровень проактивности тех, кто выражает запрос на помощь в трудоустройстве, ниже — значение индекса в среднем составляет 39 баллов.

Отдельно стоит отметить тех, кто заявляет, что государственная поддержка им не требуется. Среднее значение индекса в этой категории составляет 39 баллов, что близко к среднему уровню по выборке. Это свидетельствует о том, что отказ от поддержки не является специфической чертой проактивных: наиболее деятельные представители скорее используют любую возможность для улучшения своего положения, включая государственные ресурсы, если они доступны.

Общие установки о роли государства

В целом вариации в представлениях о возможной поддержке незначительны. Однако индекс проактивности ниже среди тех (39), кто придерживается

¹ Вопрос «В решении каких проблем Вашей семьи Вам сейчас в наибольшей степени требуется государственная поддержка и содействие?» (можно выбрать не более трех вариантов ответа).

мнения, что государство вообще не должно заботиться о гражданах либо должно ограничивать свою ответственность минимальными функциями по отношению к уязвимым группам (инвалиды, сироты). Более высокие показатели фиксируются у тех (41), кто считает, что государство должно участвовать в поддержке населения, но в первую очередь направлять помочь тем, кто имеет заслуги или оказался в трудной жизненной ситуации. Часто проактивные разделяют и следующую точку зрения: государство должно предоставлять гарантии минимального уровня благосостояния, а нормальный уровень — это зона личной ответственности человека (среднее значение индекса для сторонников этой точки зрения — 40 баллов).

Представления о целевых группах поддержки

Сопоставление индекса проактивности с выбором адресатов помощи показывает, что наиболее проактивные респонденты поддерживают меры в отношении заслуженных работников (44 балла), ветеранов труда (41) и беженцев или вынужденных переселенцев (41). Эти варианты не столь массовы, но коррелируют с высоким уровнем инициативности. Более популярные ответы — помочь нетрудоспособным и пенсионерам — демонстрируют более низкие показатели индекса (36), что отчасти объясняется возрастным фактором: проактивность выше среди молодых, тогда как сторонники помощи пенсионерам чаще представляют менее инициативные группы.

Рис. 2. Индекс проактивности и выбор адресатов государственной поддержки

Таким образом, проактивные группы не отказываются от государственной поддержки, но ориентированы на более адресные меры, направленные на развитие человеческого капитала и поддержку в случаях временных трудностей или признанных заслуг. Менее инициативные группы, напротив, отдают предпочтение универсальным формам помощи, адресованным широким категориям населения. В обоих случаях выбор адресатов отражает социально-демографические характеристики самих респондентов.

Заключение

Глобальные трансформации хозяйственного уклада, переход к цифровой экономике, а также кризисные события последнего десятилетия (пандемия, экономические санкции и др.), поставили перед обществом и государством новые вызовы, требующие не только внимания к уязвимым категориям населения, но и анализа групп, готовых проявлять инициативу и брать на себя ответственность. Такие группы могут выступать ресурсом адаптации и драйвером позитивных изменений, однако в определенных ситуациях они также нуждаются в адресной поддержке.

В рамках данной работы проактивность рассматривалась как комплексная характеристика, выраженная которой варьирует от низкой до высокой степени и может быть измерена с помощью индексного подхода. Построенный индекс позволил выявить социально-демографические различия: более высокий уровень проактивности характерен для мужчин, респондентов с высшим образованием и родителей несовершеннолетних детей. Наиболее низкие значения индекса фиксируются у представителей старших и предпенсионных возрастов, что указывает на снижение активности и долгосрочных стратегий именно в этот период жизненного цикла.

Исследование также показало, что проактивное население выражает запрос на государственную поддержку, но в отличие от менее инициативных групп оно фокусируется на мерах, которые помогают реализовывать деятельный потенциал: развитии дошкольного ухода, возможностях получения образования и повышения квалификации, организации досуга. При этом на вопрос о том, кому государство должно помогать в первую очередь, проактивные респонденты чаще выбирают работников с заслугами и тех, кто оказался в трудной жизненной ситуации, то есть группы, с которыми они потенциально могут себя ассоциировать. Менее инициативные, напротив, ориентируются на универсальные формы помощи, адресованные широким категориям населения, прежде всего пенсионерам и нетрудоспособным.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать три ключевых вывода. Во-первых, проактивность — комплексная характеристика и представляется в качестве континуума, как следствие, речь идет о поиске индивидов с разным уровнем ее выраженности. Во-вторых, индексный метод обеспечивает возможность выявлять разные уровни про-

активности и сопоставлять их между группами, что особенно важно в условиях, когда граница между проактивным и реактивным поведением размыта. В-третьих, запрос проактивных групп к государству имеет особую специфику: он направлен не на универсальную поддержку, а на меры, которые создают условия для дальнейшей активности и инициативы.

Поддержка проактивных групп может способствовать сохранению их связи с рынком труда, стимулировать профессиональное развитие и обеспечивать возможность разумного предпринимательского риска, создавая новые рабочие места и формируя устойчивый экономический рост.

Вместе с тем необходимо учитывать и ограничения проведенного анализа: индекс строился на предзаданных переменных и не охватывает всего спектра проявлений проактивности. Дальнейшие исследования могут расширить операционализацию за счет дополнительных характеристик, в том числе связанных с долгосрочными жизненными стратегиями и социальными практиками. Несмотря на эти ограничения, предложенный подход позволяет рассматривать проактивность как значимый ресурс социальной политики и расширяет представления о факторах устойчивости российского общества.

Выражение признательности

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г.

Список источников

Абрамова О. А., Татарко А. Н. (2019) Инновационная и бюрократическая организационные культуры как факторы проактивности членов организации. *Организационная психология*, 9 (4): 98–124.

Аникин В. А., Лежнина Ю. П., Мареева С. В., Слободенюк Е. Д. (2019) Запросы россиян на содействие государства: социальное инвестирование или социальная поддержка? *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, (3): 345–366.

Горбунова Е. С., Компаниец А. Л. (2021) Проактивное поведение в AGILE-командах. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, 10 (3А): 50–61.

Ерзин А. И., Епанчинцева Г. А. (2013) Понятие проактивности в современной психологии. *Теоретическая и экспериментальная психология*, (1): 79–83.

Радаев В. В. (ред.) (2023) *Как россияне справляются с новым кризисом: социально-экономические практики населения*. М.: ВШЭ.

Мироненко И. А., Сорокин П. С. (2022) Проблема проактивности личности во взаимодействии со средой в современном международном дискурсе. *Психологический журнал*, 43 (4): 79–89.

- Овчарова Л. Н., Синявская О. В., Бирюкова С. С., Горина Е. А., Нагерняк М. А., Пищняк А. И. (2022) Социальная защита в России: развилики будущего. *Вопросы экономики*, (8): 5–31.
- Сорокин П. С. (науч. ред.) (2022) *Самостоятельность и проактивное поведение*. Т. 2. М.: Эгитас.
- Овчарова Л. Н., Синявская О. В. (ред.) (2022) *Социальная защита в России до и после пандемии: развилики будущего*. М.: ВШЭ.
- Kiss A. N., Cortes A. F., Herrmann P. (2022) CEO Proactiveness, Innovation, and Firm Performance. *The Leadership Quarterly*, 33 (3): 101545.
- Bateman T. S., Crant J. M. (1993) The Proactive Component of Organizational Behavior: A Measure and Correlates. *Journal of Organizational Behavior*, 14 (2): 103–118.
- Crant J. M. (2000) Proactive Behavior in Organizations. *Journal of Management*, 26 (3): 435–462.
- Dai L., Maksimov. V., Gilbert B. A., Fernhaber S. A. (2014) Entrepreneurial Orientation and International Scope: The Differential Roles of Innovativeness, Proactiveness, and Risk-Taking. *Journal of Business Venturing*, 29 (4): 511–524.
- Grant A. M., Ashford S. J. (2008) The Dynamics of Proactivity at Work. *Research in Organizational Behavior*, (28): 3–34.
- Kreiser P. M., Marino L. D., Dickson P., Weaver K. M. (2010) Cultural Influences on Entrepreneurial Orientation: The Impact of National Culture on Risk Taking and Proactiveness in SMEs. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 34 (5): 959–984.
- Parker S. K., Bindl U. K., Strauss K. (2010) Making Things Happen: A Model of Proactive Motivation. *Journal of Management*, 36 (4): 827–856.

Elena Nazarbaeva, Alina Pishnyak, Natalia Khalina

THE PROACTIVITY INDEX AS A TOOL FOR SOCIAL POLICY ANALYSIS

Social policy debates tend to focus on vulnerable groups, overlooking the more active and initiative-oriented parts of the population. Yet these groups could be a valuable resource for overcoming crises and driving social development. Who are they, how can they be identified in nationwide surveys, and what demands do they place on the state? This article proposes a new approach to studying these groups by operationalizing the concept of proactivity. Drawing on psychology, management, and sociology, the theoretical framework highlights five key features of proactive behavior: initiative, anticipation, orientation toward change, influence on the environment, and a future-oriented outlook. Using data from the nationwide Readiness for Change survey (HSE University, 2022; N=6310), the authors construct a Proactivity Index that captures varying degrees of proactivity rather than dichotomising the population into 'proactive' and 'non-proactive.' The findings reveal significant socio-demographic differences and some unexpected patterns. Higher proactivity is characteristic of men, individuals with higher education qualifications, and parents of underage children, while it declines among older age groups and those approaching retirement. Importantly, proactivity does not equate to rejecting state support. In fact, the most proactive groups articulate a distinct demand for policies that enhance their capacity to act, such as access to education and retraining, childcare for preschoolers, and opportunities to balance family and work. Conversely, less proactive groups tend to favor universal measures, such as support for pensioners or disabled people. By developing the Proactivity Index, this study broadens the scope of social policy analysis. It shifts the focus away from viewing the population solely through the lens of vulnerability, towards a more nuanced understanding that recognizes the existence of resourceful and initiative-driven groups. This raises a crucial policy question: how can the state support those in need of protection while enabling proactive groups to drive social and economic development?

Keywords: proactivity, social policy, human capital, state support, index method

Citation: Nazarbaeva E., Pishniak A., Khalina N. (2025) Indeks proaktivnosti kak instrument analiza sotsial'noy politiki [The Proactivity Index as a Tool for Social Policy Analysis]. *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 23 (3):465–478.

Elena Nazarbaeva — Research Fellow, Centre for Studies of Income and Living Standards, Institute for Social Policy, HSE University, Moscow, Russian Federation. Email: enazarbaeva@hse.ru

Alina Pishnyak — Cand. Sci. (Sociol.), Head of the Centre for Studies of Income and Living Standards, Institute for Social Policy, HSE University, Moscow, Russian Federation. Email: apishniak@hse.ru

Natalia Khalina — Research Fellow, Centre for Studies of Income and Living Standards, Institute for Social Policy, HSE University, Moscow, Russian Federation. Email: nkhalina@hse.ru

References

- Abramova O. A., Tatarko A. N. (2019) Innovatsionnaya i byurokraticheskaya organizatsionnye kul'tury kak faktory proaktivnosti chlenov organizatsii [Innovative and Bureaucratic Organizational Culture as Factors of Proactivity in Organization]. *Organizatsionnaya psichologiya* [Organizational Psychology], 9 (4): 98–124.
- Anikin V. A., Lezhnina Yu. P., Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D. (2019) Zaprosy rossiyan na sodeystviye gosudarstva: sotsial'noe investirovanie ili sotsial'naya podderzhka? [Russian Public Demand for State Assistance: Social Investment or Social Support?]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], (3): 345–366.
- Bateman T. S., Crant J. M. (1993) The Proactive Component of Organizational Behavior: A Measure and Correlates. *Journal of Organizational Behavior*, 14 (2): 103–118.
- Crant J. M. (2000) Proactive Behavior in Organizations. *Journal of Management*, 26 (3): 435–462.
- Dai L., Maksimov. V., Gilbert B. A., Fernhaber S. A. (2014) Entrepreneurial Orientation and International Scope: The Differential Roles of Innovativeness, Proactiveness, and Risk-Taking. *Journal of Business Venturing*, 29 (4): 511–524.
- Erzin A. I., Epanchintseva G. A. (2013) Ponyatie proaktivnosti v sovremennoy psichologii [Concept of Proactivity in Modern Psychology]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psichologiya* [Theoretical and Experimental Psychology], (1): 79–83.
- Gorbunova E. S., Kompaniets A. L. (2021) Proaktivnoe povedenie v AGILE-komandakh [AGILE-teams Proactive Behavior]. *Psichologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennoye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 10 (3A): 50–61.
- Grant A. M., Ashford S. J. (2008) The Dynamics of Proactivity at Work. *Research in Organizational Behavior*, (28): 3–34.
- Kiss A. N., Cortes A. F., Herrmann P. (2022) CEO Proactiveness, Innovation, and Firm Performance. *The Leadership Quarterly*, 33 (3): 101545.
- Kreiser P. M., Marino L. D., Dickson P., Weaver K. M. (2010) Cultural Influences on Entrepreneurial Orientation: The Impact of National Culture on Risk Taking and Proactiveness in SMEs. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 34 (5): 959–984.
- Mironenko I. A., Sorokin P. S. (2022) Problema proaktivnosti lichnosti vo vzaimodeystvii so sredoy v sovremenном mezhdunarodnom diskurse [The problem of Human Agency in Interaction with the Environment in Contemporary International Discourse]. *Psichologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal], 43 (4): 79–89.
- Ovcharova L. N., Sinyavskaya O. V. (eds.) (2022) *Sotsial'naya zashchita v Rossii do i posle pandemii: razvilkii budushchego* [Social Protection in Russia before and after the Pandemic: Forks of the Future]. Moscow: HSE University.
- Ovcharova L. N., Sinyavskaya O. V., Biryukova S. S., Gorina E. A., Nagernyak M. A., Pishnyak A. I. (2022) *Sotsial'naya zashchita v Rossii: razvilkii budushchego* [Social Protection in Russia: Choices of the Future]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of economics], (8): 5–31.
- Parker S. K., Bindl U. K., Strauss K. (2010) Making Things Happen: A Model of Proactive Motivation. *Journal of Management*, 36 (4): 827–856.
- Radaev V. V. (ed.) (2023) *Kak rossiyanе spravlyayutsya s novym krizisom: sotsial'no-ekonomicheskie praktiki naseleniya* [How Russians are Coping with the New Crisis: Socio-Economic Practices of the Population]. M.: HSE University.
- Sorokin P. S. (ed.) (2022) *Samostoyatel'nost' i proaktivnoe povedenie. T.2* [Self-Sustainability and Proactive Behavior. Vol 2]. Moscow: Egitas.